

—

На следующее утро они отправились в старое поместье. Хотя у Цюй Ляня не было официального права там жить, у него хранились ключи. Это было наследство, оставленное старшим братом — Цюй Лянь должен был временно хранить их, пока не передаст следующему истинному наследнику семьи Цюй.

Старое поместье Цюй находилось в историческом центре Линьчэна. Оно было заложено еще при династии Сун и за тысячу лет пережило бесчисленные реставрации, став самым хорошо сохранившимся образцом архитектуры времен династии Сун. Поместье занимало несколько тысяч квадратных метров; в центре располагалась огромная площадка для тренировок. Говорят, в былые времена семья Цюй держала здесь школу боевых искусств, и сотни учеников, скреживающих мечи на этом поле, представляли собой величественное зрелище.

Янь Чангэ следовал за Цюй Лянем, созерцая древнюю простоту усадьбы. Он невольно вздохнул: «Хотя здания и реставрировались, сохранить стиль династии Сун на протяжении веков — задача невероятно сложная».

«Это точно», — Цюй Лянь коснулся опорной колонны с ностальгией. — «Дядя рассказывал, что дедушка был ужасно упрямым. Когда весь Линьчэн проводил электричество, водопровод, отопление и газ... дед настаивал на «верности старине» и наотрез отказывался идти в ногу со временем. Отец вспоминал, что в детстве, хотя семья была сказочно богата, ему приходилось делать уроки при керосиновой лампе. Представляешь, как ему было обидно?»

Янь Чангэ представил эту картину и невольно улыбнулся: «И что было потом?»

«Потом у дяди из-за плохого освещения развилась ложная близорукость. Бабушка пришла в ярость, забрала отца с дядей и переехала в новый район, оставив деда одного жить жизнью пещерного человека. Под её присмотром зрение дяди перестало падать, а у папы и вовсе осталось идеальным. Дядя всегда говорил: «Мне, бизнесмену, очки только солидности добавляют, а вот папа — мастер боевых искусств, его глаза должны быть в порядке». Всё благодаря бабушке».

«И как поступил дед?»

«Он... дулся больше полугода и не выходил на связь. А потом, на годовщину свадьбы, сам приехал за бабушкой, чтобы забрать её в поместье «провести время вдвоем». Бабушка ради праздника согласилась. Приезжают они, а там — весь дом сияет огнями, проведено электричество и вода! Дед тогда стоял, обнимая огромный телевизор и холодильник, и гордо объявил, что это подарки для бабушки. Вон они, те два «динозавра», теперь в хранилище стоят».

Цюй Лянь отвел Янь Чангэ в подземное хранилище и показал на два допотопных бытовых прибора. Янь Чангэ подошел ближе: это были черно-белый телевизор и фреоновый холодильник — модели, которые сейчас не найти даже на барахолках. На каждом была приклеена записка: «1 января 1973 года. Цюй И — любимой жене».

Рядом стояла маленькая колыбель, тоже с запиской: «12 августа 1962 года. Цюй И — сыну».

Заметив его взгляд, Цюй Лянь подошел и объяснил: «В этой колыбели папа лежал в день рождения. А вон там — дядина, дед сам их вырезал. Папа говорил, что дед был упрямым,

консервативным, деспотичным и имел кучу недостатков. Например, заставлял младших называть его исключительно «Отец» [Фуцинь] или «Дед» [Цзуфу], запрещая обычные «папа» и «дедушка». Бабушка говорила, что порой его прямо прибить хотелось. Но была у него одна хорошая черта, которую унаследовали все мужчины семьи Цюй».

Он не уточнил, какая именно, но Янь Чангэ и так всё понял, глядя на бережно сохраненную колыбель.

«Раз все мужчины Цюй её унаследовали, то как насчет тебя?» — спросил Янь Чангэ.

«Я-то?» — Цюй Лянь смущенно почесал затылок. — «Кто ж знает. Я до таких лет дожил, а ни разу по-настоящему не любил. Те пассии, что были раньше — просто актеры на зарплате».

«Значит, унаследовал ты её или нет, смогу узнать только я», — Янь Чангэ обнял Цюй Ляня сзади и нежно поцеловал в щеку.

Цюй Лянь послушно замер в его объятиях. В этой комнате, наполненной вещами, которые предки так любили, он стеснялся целовать Янь Чангэ в ответ — выглядел он при этом очень мило.

Понимая его смущение, Янь Чангэ вскоре отпустил его. Заметив дату на холодильнике, он спросил: «Первое января? Ты сказал, дед подарил это на годовщину. Значит, они поженились на Новый год?»

«Да», — кивнул Цюй Лянь. — «В нашей семье последние несколько поколений играют свадьбы именно в этот день. И дедушка с бабушкой, и дядя, и мои родители».

«Первое января...» — пробормотал Янь Чангэ. — «В такой важный день, не хочешь ли ты остаться в поместье на пару дней?»

«А ведь верно», — задумался Цюй Лянь. — «Если поселюсь здесь с тобой, это будет вроде как официальное представление тебя предкам. Э-э... ну, если ты не против, конечно».

Цюй Лянь вдруг вспомнил, что их отношения — лишь «попытка» по словам Янь Чангэ. Ему казалось, что этот мужчина просто слишком благороден, чтобы отказывать, и согласился лишь потому, что Цюй Лянь сам выпалил это предложение.

«Разумеется, я только «за»», — невозмутимо ответил Янь Чангэ.

Лицо Цюй Ляня просияло. Он крепко сжал руку Янь Чангэ — на глазах у предков это был предел его смелости.

Янь Чангэ же, оглядывая хранилище, наконец почувствовал облегчение.

Коллекция семьи Цюй отличалась от собраний богачей, забитых золотом и антиквариатом. Здесь хранились вещи, которые любили: колыбели, старая техника, детские погремушки или даже обычный камень, подаренный другом. Каждая вещь была пропитана любовью. А если и есть во вселенной энергия, превосходящая все прочие, — это энергия любви.

Любовь родственная, дружеская или романтическая — всё это великая сила. Все эти предметы накопили в себе мощнейший заряд положительной энергии, спроецированный поколениями предков. Один предмет — мелочь, но тысячи вещей со времен династии Сун создавали невероятное энергетическое поле. На самом деле Цюй Ляню не стоило бояться никакого

смертельного исхода. Пока он находится в этом доме, под защитой этого «щита», никакая негативная энергия не сможет ему навредить.

Это было научное объяснение. Если же говорить проще: духи предков оберегают своих потомков.

В новогоднюю ночь Янь Чангэ планировал слегка надавить на акупунктурные точки Цюй Ляня, чтобы тот уснул, а затем перенести его в это хранилище. Тогда он сможет со спокойной душой встретить Небесную Кару. Если выживет — обретет настоящее тело и будет с Цюй Лянем по-настоящему. Если нет...

Что ж, встречи и расставания — естественный ход жизни. Он — просто меч, который может обуглиться от молнии, не стоит усложнять.

«А вот и Сюаньин», — Цюй Лянь достал меч из сейфа. Пожалуй, это была единственная по-настоящему дорогая вещь в подвале.

Янь Чангэ взял Сюаньин в руки и медленно обнажил его.

Меч был абсолютно черным. В отличие от обычного оружия, он не сверкал, а казался матовым и тяжелым, не отражая свет даже под лампами. Это противоречило здравому смыслу: любой металл обладает блеском. Даже Янь Чангэ, будучи сделанным из метеоритного железа, не был исключением, а этот меч — не светился!

«Он выкован не из металла», — уверенно сказал Янь Чангэ. Будь Сюаньин металлическим, это нарушало бы законы физики, а это невозможно.

«Точно», — Цюй Лянь достал сертификат. — «Когда мы отдавали его на экспертизу, специалисты не смогли определить молекулярную структуру материала. Поэтому в графе «материал» в паспорте оружия стоит «неизвестно»».

«Паспорт оружия?» — Янь Чангэ механически переспросил, глядя на маленькую книжечку.

«Ну да», — кивнул Цюй Лянь. — «Это ведь холодное оружие, да еще и антиквариат. Чтобы хранить его дома, нужно разрешение. В наше время без бумажки никуда: у людей — ID-карты, у оружия — паспорта. Слышал, скоро их заменят на карты с QR-кодами, которые будут клеить прямо на эфес. Отсканировал — и вся информация перед глазами. Так борются с подделками».

Янь Чангэ: «...»

«Сюаньин в порядке, значит, я зря беспокоился», — сказал Цюй Лянь. — «Наверное, я просто соскучился по дому, вот мне и приснился этот сон».

С этими словами он прижался щекой к ледяному лезвию меча: «Почему я так плох в боевых искусствах и не могу поднять тебя? Как было бы здорово стать твоим истинным хозяином, мой Сюаньин».

Янь Чангэ: «...»

Он немедленно и осторожно отобрал меч у Цюй Ляня и строго отчитал его: «Как можно прижиматься лицом к лезвию? Это опасно! Меч очень тяжелый, тебе его и двумя руками поднять — достижение, не говоря уже о том, чтобы махать им. Позже я найду тебе меч полегче и обучу технике семьи Цюй. А этот Сюаньин... столь ценную вещь лучше хранить в сейфе».

«И то верно», — Цюй Лянь с любовью коснулся эфеса. — «В детстве, когда отец участвовал в важных турнирах, он всегда брал Сюаньин. Я тогда так им восхищался, мечтал выполнять с ним приемы. Старший брат тогда был вредным: говорил, что когда станет главой семьи, будет давать мне потрогать меч только по праздникам, а о большем и не мечтай».

Янь Чангэ, не меняясь в лице, взял со стеллажа ножны и вложил Сюаньин обратно. Глядя на них, он похвалил: «Ножны действительно хороши. То, что Сюаньин не пострадал от времени за столько лет — заслуга ножен. Они уже немного повреждены... Принесли себя в жертву, чтобы защитить меч. Истинный дух семьи Цюй».

Он погладил ножны ладонью; казалось, в глазах Янь Чангэ они были ценнее самого меча.

«Они выкованы из редкого камня, который предок искал по всей Поднебесной. В хрониках семьи Цюй написано, что предок однажды положил тонкий ломтик мяса внутрь ножен, и через месяц мясо было свежим, как в первый день. Видимо, поэтому Сюаньин не ржавеет. Интересно, можно ли объяснить свойства этих ножен математически?» — Цюй Лянь забрал ножны, убрал меч в сейф и запер его. Неприятное чувство в груди начало угасать.

Странно, только что ему казалось, что что-то не так...

«Раз с мечом всё хорошо, я спокоен», — Цюй Лянь прижал руку к сердцу.

«Вот как?» — Янь Чангэ отвел взгляд от сейфа. — «Меч из твоего сна — не обязательно Сюаньин».

«А? Почему? Зачем мне видеть во сне другой меч?»

«Ты описывал, что во сне увидел отблеск лезвия краем глаза. Но Сюаньин матовый и не дает бликов. Ты с детства его знаешь и не мог так ошибиться в деталях. Значит, во сне был другой меч», — серьезно объяснил Янь Чангэ.

«Верно...» — задумался Цюй Лянь. — «Но что же это за меч? Я других-то и не видел».

«Кто знает», — загадочно улыбнулся Янь Чангэ.

«Нет-нет», — внезапно спохватился Цюй Лянь. — «Я заикнулся на мече, но вдруг это был символ опасности, а не Сюаньин? Меч был у моего сердца, но боли не было. Я решил, что это Сюаньин, потому что чувствовал себя под его защитой. Я не мог обернуться и рассмотреть его — значит, он мне незнаком. Но... почему тогда было это чувство узнавания?»

Проанализировав всё, Цюй Лянь подытожил: «Это знакомый меч, который меня защищает, но который я никогда не видел... Знакомый и в то же время чужой...»

Пока он размышлял, Янь Чангэ внезапно обхватил его и накрыл его губы долгим, невероятно нежным поцелуем, который мгновенно стер все мысли Цюй Ляня.

Когда они отстранились, Янь Чангэ с улыбкой спросил: «Мы в сокровищнице предков. Считается ли это признанием перед лицом всего рода?»

Цюй Лянь: «...»

«Ты не рад?» — спросил Янь Чангэ. — «Или всё еще стесняешься?»

Цюй Лянь долго смотрел на него, а затем покачал головой: «Да нет... Просто кажется, что что-

то не так, а что именно — не пойму...»

Янь Чангэ невозмутимо предложил: «Может, ты просто проголодался? Отведи меня на кухню, я попробую приготовить что-нибудь, используя старое оборудование поместья».

«А ведь и правда, я проголодался! Пойдем готовить». Цюй Лянь отбросил странные мысли и повел Янь Чангэ на кухню.

—

Автору есть что сказать:

Этот мини-театр посвящен внутренним мыслям (OS) Янь Чангэ во время основного текста.

Цюй Лянь гладит меч Сюаньбин. Янь Чангэ внешне спокоен.

OS Янь Чангэ: «Мы уже официально вместе, а он на моих глазах лапает другой меч!»

Янь Чангэ убирает меч в ножны.

OS: «Какие верные ножны... Столько лет так преданно защищать свой меч. Почти так же хороши, как мой Цюй Лянь. Не зря они оба из семьи Цюй!»

Цюй Лянь вспоминает сон.

OS Янь Чангэ: «Чуть-чуть не выдал себя! Опасно...»

Цюй Лянь: «Почему сегодня всё кажется каким-то странным?»

—

<http://bllate.org/book/14517/1285745>